

А. А. ФУРСЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ КАПИТАЛИЗМА США

В названиях книг и статей о современном капитализме, вышедших за последние годы в США, часто встречаются слова «революция», «перемены», «уравновешивающие силы», «трансформация» и т. п. Никогда за всю предыдущую историю американская буржуазная историография, политэкономия и социология не проявляли такой активности в защите и рекламировании капиталистического строя США, как теперь. В последние полтора-два десятилетия в Америке ведется целенаправленная и тщательно планируемая кампания, ставящая целью «обосновать» жизнеспособность американской системы и подвести фундамент под тезис об «исторической миссии» монополистического капитала США. В этой кампании наряду с представителями «чистой» науки принимают участие различного рода псевдонаучные школы вроде «истории бизнеса» и совсем не имеющие отношения к науке представители свободных профессий — журналисты, а также профессиональные политические деятели и бизнесмены. В совокупности действий этих различных отрядов и заключается особенность новых попыток защиты капиталистического строя.

В 1945 г., сразу после окончания мировой войны, один из представителей классической буржуазной историографии США Джеймс Траслоу Адамс опубликовал книгу «Большой бизнес в системе демократии». Основной тезис этой работы в изложении автора заключается в том, что монополии являются «особой формой демократии», которая, подобно горе Арарат, «призвана остаться после всемирного потопа» в качестве «символа свободной цивилизации».¹

Доказательству аналогичного рода взглядов были посвящены и вышедшие в начале 50-х годов книги известных экономистов и социологов «Американский капитализм» Джона Голбрейса, «Капиталистическая революция XX в.» Адольфа Берла, а также

¹ J. T. Adams. Big business in a democracy. Boston, 1945, p. 9.

«Постоянная революция», подготовленная редакцией журнала «Форчун», и «Большие перемены» — популярным публицистом Ф. Алленом.² Несмотря на разницу в стиле и уровне профессионального исполнения, все эти книги служили одной цели — показать, что экономическая система США представляет собой динамический, развивающийся организм, лишенный существенных пороков и непреодолимых противоречий. Говоря о значении названных работ, один из наиболее апологетических американских журналов «Обозрение по истории бизнеса» отмечал, что они направлены против марксистской концепции капиталистического строя. Давая им высокую оценку, журнал делал вывод, что «перемены», которым подвергся капитализм США, поставили его на новую ступень развития. Поскольку и в нынешних условиях решающая роль остается за корпорациями, «Обозрение по истории бизнеса» вслед за авторами рецензируемых книг заявляет, что монополии — эмбрион «свободного мира», основа прогресса современной американской системы.³

Доказательству этого положения посвящены не только указанные работы, но и многие другие сочинения. Наряду со специальной литературой вроде книги У. Л. Уорнера «Корпорация в развивающемся американском обществе»⁴ выпущены книги по истории отдельных крупнейших монополий.

История нефтяных, химических и автомобильных концернов, банков, страховых компаний и торговых фирм, а также биографии представителей делового мира заняли прочное положение в американской литературе. Даже беглое знакомство с известным американским справочником «Биографический указатель» приводит к выводу, что поток литературы о «капитанах индустрии», как именуют в США магнатов капитала, растет в прогрессирующей пропорции и в настоящее время представляет одно из характерных явлений на книжном рынке США. Даже «отцы» американской нации Вашингтон, Франклин, Джефферсон и Гамильтон ныне отступили на задний план и уже не в состоянии конкурировать с миллиардерами-монополистами, количество книг и статей о которых стремительно возрастает.

Авторы многих работ отмечают влияние, которое оказал на мировоззрение американцев писатель конца XIX в. Орейшо Олджер, перу которого принадлежит более сотни книг для детей. Главным героем Олджера — мальчик-сирота, отданный произволу большого города, обычно Нью-Йорка. В результате различного

² J. K. Galbraith. American capitalism. The Concept of countervailing power. London, 1957; A. A. Berle. 20-th century capitalist revolution. N. Y., 1954; USA: The Permanent Revolution. N. Y., 1951; F. L. Allen. Big change. America transforms itself: 1900—1950. N. Y., 1952.

³ Business Hist. Rev., 1959, № 4, p. 549 etc.

⁴ W. L. Warner. Corporation in the emergent American society. N. Y., 1962.

рода случайностей, удачных комбинаций и предприимчивости он в конце концов выбивается в люди. Дешевые иллюстрированные издания этих книг разошлись огромными тиражами. Можно согласиться с американским журналистом Ф. Алленом в том, что Олджер оказал в свое время «более широкое влияние», чем «все профессора экономики, вместе взятые». ⁵ Его книги пропагандировали капиталистическое предпринимательство и «равные возможности» для каждого стать богатым.

Однако одновременно в Америке существовала другая литература, исключавшая в то время появление таких сочинений, которыми спустя полвека заполнились книжные прилавки страны. Никто не мог предположить, что однозные тогда имена Моргана, Рокфеллера, Карнеги и других будут причислены к лику святых. В 1894 г. вышла книга прогрессивного американского публициста Генри Демареста Ллойда. ⁶ Ее автор на основе колоссального материала о деятельности рокфеллеровского треста «Стандард ойл» раскрывал преступные действия, в результате которых было сколочено гигантское состояние основоположника династии Рокфеллеров Джона Д. I. По отзывам прессы книга Ллойда получила резонанс, который сравнивали с откликами на роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

Вслед затем в печати появилась двухтомная «История Стандард ойл К^о», составленная Айдой Тарбел. ⁷ Дочь мелкого нефтепромышленника, испытавшего на себе все ужасы монополии, Тарбел сумела получить доступ к материалам, опубликование которых произвело сенсацию. Напечатанные сначала частями в одном из самых популярных в то время журналов «Мак-Клюрс мэгэзин» разоблачения Тарбел приобрели широкую известность. Поэтому не приходится удивляться, что для целого поколения американцев, как признает один из нынешних биографов семейства нефтяных королей, Рокфеллер был «пугалом», имя которого ассоциировалось со злом и насилием. «Не будешь спать — тебя заберет Рокфеллер», — эти слова были хорошо знакомы американским детям. ⁸

Ллойд и Тарбел начали движение, которое получило наименование «разгребателей грязи». К нему примкнули такие известные публицисты, как Лоусон, автор книги «Взбесившиеся финансисты» и Л. Стеффенс, автор «Позора американских городов». Все они бичевали пороки монополистического капитала, а их настроения питала мелкобуржуазная оппозиция наступлению трестов-гринбекеров, популистов и т. п. — тех, кто испытал разорение и произвол, вызванные действиями монополий.

⁵ F. L. Allen. Big change, p. 63.

⁶ H. D. Lloyd. Wealth against commonwealth. N. Y., 1894.

⁷ I. Tarbell. History of the Standard Oil Co., vv. 1, 2. N. Y., 1902.

⁸ W. Manchester. Portrait of a family. From John D. to Nelson. N. Y., 1959, p. 85.

Главной трибуной «разгребателей грязи» стал уже названный «Мак-Клюрс мэгезин», «Арена» и др. Их издатели отнюдь не добивались этими публикациями политических целей: они помогали им сильно поднимать тираж журнала и давали хороший заработок. Но объективно разоблачения «Мак-Клюрс мэгезин» и других журналов наносили удар по монополиям. Впоследствии традиции «разгребателей грязи» были подхвачены Эптоном Синклером в серии романов о капиталистической Америке, а также в знаменитой трилогии Т. Драйзера, прототипом главного героя которой Каупервуда явился известный филаделфийский и чикагский делец в области городского транспорта Чарльз Джеркс. Позднее, в 20-е годы, вышли книги Л. Корея «Дом Морганов»⁹ и ряд работ о Рокфеллере, Карнеги и др.

Новая волна разоблачительной литературы появилась в годы после кризиса 1929—1933 гг., когда были изданы шумевшие работы М. Джозефсона «Бароны-Разбойники», «Политиканы» и «Делатели президентов».¹⁰ Однако буржуазная критика монополий в этот период пошла на убыль. Показательна судьба ее прежних представителей. Наиболее последовательные из них перешли на позиции социализма-коммунизма (Л. Стеффенс и Т. Драйзер), остальные отступили от старых взглядов или даже перешли на противоположные позиции, как Айда Тарбел, выступившая в 1936 г. с панегириком в адрес Рокфеллера.¹¹

Огромная пропагандистская машина, щедро питаемая деньгами монополий, к этому времени уже немало сделала, чтобы вытравить из памяти американца разоблачения «разгребателей грязи». В 1940 г. вышла двухтомная биография Рокфеллера, составленная известным американским историком А. Невинсом. Само название книги говорило за себя: «Джон Д. Рокфеллер. Героическая эпоха американского предпринимательства».¹² Это была серьезная веха на пути идеологического оправдания деятельности монополий. Работа Невинса завершала определенный этап, начало которому было положено в первые годы после первой мировой войны, когда было создано «Общество истории бизнеса» и начата планомерная работа по реабилитации монополистического капитала США.

После второй мировой войны эти попытки были возобновлены с удвоенной силой. Цель заключалась в том, чтобы «счистить» всю «грязь», которая налипла на репутацию монополистов и «добела» отмыть ее. Были ассигнованы миллионные средства. Только на

⁹ Л. К о р е й. Дом Морганов. Пер. с англ. М.—Л., 1933.

¹⁰ М. J o s e p h s o n. Robber barons. The Great American capitalists (1861—1901). N. Y., 1934; Politicos. N. Y., 1938; President makers. N. Y., 1940.

¹¹ См.: Fortune, 1952, apr., p. 165.

¹² A. N e v i n s. John D. Rockefeller. Heroic age of American enterprize. Vv. 1, 2. N. Y., 1940.

составление четырехтомной «Истории Стандард ойл К^о оф Нью-Джерси» выделили полмиллиона долларов.¹³ Одновременно была развернута работа по написанию книг о Форде, Меллонах, Моргане и др. Даже Компания универсальных магазинов Мейси была удостоена специального исследования, а биография учредителя так называемых «магазинов-центовиков» известного магната Вулворта была подготовлена как «бест-селлер», в популярном издании, рассчитанном на широкого читателя.¹⁴

Под пером авторов этих книг бывшие «бароны-разбойники», как называли магнатов капитала, превратились в «гениев-промышленников», «героев» экономического прогресса. Их идеализированные портреты явились конкретным воплощением сказочных образов Ореишо Олджера. Апологетическая литература стремилась затоптать все, что сделали «разгребатели грязи» и другие авторы антимонополистических произведений. «Обозрение по истории бизнеса» объявило, что концепция «барона-разбойника» необъективна, надуманна и не подтверждается фактами.¹⁵ Когда один из американских историков Ч. М. Дестлер поместил на страницах «Американ Хисторикал Ревью» хвалебную статью о книге Ллойда в связи с 50-летием со времени ее выхода, он подвергся резкому отпору со стороны Невинса, который обвинил Ллойда, а вместе с ним и Дестлера в невежестве и искажении фактов.¹⁶

«Ревизионисты», как именуют тех, кто занимается в США пересмотром истории монополий, часто повторяют, что только они получили доступ к архивам и постигли всю совокупность фактов. А потому, утверждают они, только им и дано нарисовать объективную картину. Однако доступ к архивным документам получают очень немногие, только те, кто уже зарекомендовал себя в надлежащем духе. Кроме того, за хозяевами монополий всегда остается право наложить вето на публикацию той или иной работы, если она почему-либо им не понравится: им принадлежат архивы и они, как правило, финансируют написание этих работ. Поэтому история бизнеса может служить образцом крайней предвзятости и необъективного подхода. Разработана даже методология использования архивов частных предпринимателей, принципы которой изложил в ряде статей один из ведущих представителей школы по истории бизнеса Р. Хайди. Его главная рекомендация заключается в том, что следует использовать только то, что не может принести вреда корпорациям и американской политике.¹⁷

¹³ Fortune, 1951, oct., p. 109.

¹⁴ J. K. W i n k l e r. Five and ten. Fabulous life of F. W. Woolworth. N. Y., 1957.

¹⁵ J. T i p p l e. Anatomy of prejudice: origins of the robber baron legend. Business Hist. Rev., 1959, № 4, pp. 510—523.

¹⁶ См.: Amer. Hist. Rev., 1944, oct., pp. 49—69; 1945, apr., pp. 676—689.

¹⁷ R. H i d y. Problems in collaborative writing of business history. Bull. Business Hist. Soc., 1949, june, pp. 69—70; Some implications of the re-

Неудивительно, что деятельность «ревизионистов» встречает недоверие и многие представители классической буржуазной науки отказываются признавать историю бизнеса за науку.¹⁸ Однако справедливость требует отметить, что это «предубеждение» постепенно рассеивается. История бизнеса быстро развивается, и на сегодняшний день она — одно из самых влиятельных направлений в американской буржуазной историографии. А для придания авторитетности в его ряды вербуют уже зарекомендовавших себя известных представителей классической школы. Именно в этом смысле привлечения Д. Т. Адамса, а также еще более авторитетного в академических кругах А. Невинса, который через 13 лет после издания первой книги подготовил ее второй, еще более усовершенствованный в смысле апологии Рокфеллеров вариант¹⁹ и, кроме того, в соавторстве с Хиллом выпустил столь же идеализированную биографию автомобильного короля Форда.²⁰ В этом заключается и смысл привлечения к работе над историей монополий известных историков Л. Дженкса и Л. Хэккера, одного из ведущих экономистов С. Чейза и др.

Взяв на себя задачу пересмотреть историю монополистического капитала США, «ревизионисты» не скрывают стремления «реабилитировать» его. Наоборот, они начинают с того, что объявляют это своей целью и подводят соответствующий философский фундамент. Исходя из прагматической посылки о том, что критерием истины могут служить только задачи сегодняшнего дня, они требуют и к прошлому относиться только в свете сегодняшних интересов. Об этом многократно и настойчиво заявлял А. Невинс. Летом 1951 г., выступая перед большой аудиторией в Станфордском университете, он призывал пересмотреть всю историю монополистического капитала. Его призыв активно поддержал известный специалист в области историографии Е. Н. Сейвет, поместивший в апрельском номере 1952 г. журнала «Форчун» статью «Как следует преподавать историю бизнеса?».²¹

В конце 1953 г., выступая перед съездом американских архивистов, Невинс снова требовал «переоценки» роли магнатов капитала, и журнал «Сатедей ревью» опубликовал его выступление.²² Каждое поколение, по словам Невинса, нуждается в пересмотре истории, чтобы «приспособить» ее к своим «воззрениям, идеям и взглядам». «Каждая эпоха, — говорит он, — имеет свой собст-

cent literature on the history of the petroleum industry. *Business Hist. Rev.*, 1956, № 3, pp. 330, 339.

¹⁸ См.: Г. А п т е к е р. Лауреаты империализма. М., 1955, стр. 77—79.

¹⁹ A. Nevins. Study in power. John D. Rockefeller — industrialist and philanthropist. Vv. 1, 2. N. Y., 1953.

²⁰ A. Nevins, F. E. Hill. 1) Ford: the times, the man, the company. N. Y., 1940; 2) Ford: expansion and challenge. N. Y., 1949.

²¹ E. N. Saveth. What historians teach about business? *Fortune*, 1952, apr.

²² *Saturday Rev.*, 1954, febr. 6, pp. 7, 9, 47—49.

венный климат мнения», которым следует руководствоваться, оценивая прошлое. Америка превратилась в военную державу и обладает экономической мощью, которая находится в руках монополистического капитала. Значит, рассуждает Невинс, Рокфеллеров, Фордов, Карнеги и прочих нельзя считать больше «баронами-разбойниками». Они — «архитекторы нашего материального роста».²³

Однако такой подход приходит в противоречие с либерально-буржуазной трактовкой эволюции американского капитализма, в которой важное место отводится демократической традиции начиная с Джефферсона и кончая антимонополистическими выступлениями. Поэтому Невинс и его единомышленники настаивают на пересмотре всей схемы исторического прошлого. Они, в частности, подвергают жестоким нападкам известного американского историка Ч. Бирда, перу которого (в соавторстве с его женой) принадлежит один из самых интересных и широко распространенных курсов по истории США.²⁴ Книга Бирдов оказалась неприемлема не только из-за оценок, которые даны в ней магнатам американского капитала, но также и из-за ее либеральной направленности в целом. Этот объемистый и ярко написанный труд, а также две другие богато документированные работы Ч. Бирда о происхождении Конституции 1787 г. и джефферсоновской демократии²⁵ вызвали такую критику еще потому, что в них проводится мысль об объективном характере исторического развития, подчеркивается решающая роль экономических факторов в истории.

Как представители субъективистской философии Невинс, Сейвет и историки бизнеса отрицают действие объективных законов в общественной жизни. Они часто говорят о необходимости усилить внимание к экономической истории, требуют «показать важность и возможно даже приоритет институтов бизнеса», т. е. крупного капитала, не только за последнее столетие, но и на протяжении всей американской истории, начиная с колониальных времен.²⁶ В то же время они решительно выступают против «экономического детерминизма» Бирда и обвинили его даже в марксизме, хотя на самом деле Бирд марксистом никогда не был.

Казалось бы, вопросы происхождения Конституции 1787 г., равно как и джефферсоновской демократии, далеки от предмета занятий историков монополистического капитала. Но и они попадают под обстрел с их стороны, поскольку противоречат идеализированным схемам эволюции американского капитализма. По-

²³ Там же, стр. 8, 47—48.

²⁴ Ch. Beard and M. Beard. Rise of the American civilization, vv. 1, 2, N. Y., 1927.

²⁵ Ch. Beard. Economic interpretation of the constitution of the United States. N. Y., 1913; Economic Origins of Jeffersonian democracy. N. Y., 1915.

²⁶ См.: Business Hist. Rev., 1959, № 2, pp. 207—208; 1962, № 1, p. 56.

Этому наряду с критикой взглядов на монополии современные апологеты капитализма ополчились против его работ, посвященных раннему периоду истории США, в которых раскрывается реакционный, антинародный характер политики крупного капитала и крупных земельных собственников. Впервые исследовав большой архивный материал, Бирд пришел к выводу, что именно представители указанных классов пытались лишить американский народ завоеваний, которых он добился в результате революции 1776—1783 гг. Этот взгляд подвергли критике в своих статьях и Невинс, и Сейвер.²⁷ А «Обозрение по истории бизнеса» поместило даже специальную статью, подвергающую разному работ Бирда о происхождении Конституции 1787 г.²⁸

Наряду с Бирдом одним из объектов нападок со стороны апологетов монополистического капитала в последние годы стал известный историк А. Шлезингер мл. Сам он далек от радикализма, не принадлежит к числу противников капиталистического строя, а наоборот, является активным и изощренным его защитником. Широко известно, что в правительстве Кеннеди этот человек занимал пост одного из наиболее влиятельных советников, наводнив Белый дом бесчисленными проектами, призванными укрепить капиталистический строй США. Шлезингер — сторонник критического (хотя и в условном смысле) подхода. В 50-х годах он выступал против произвола маккартизма и требовал прекратить преследования буржуазной интеллигенции, что не мешало ему поддерживать гонения на коммунистов и быть одним из деятельных участников этих гонений. Шлезингер принадлежит к числу «яйцеголовых — интеллектуалов», которые вызывают нескрываемое раздражение в кругах большого бизнеса, требующего со стороны интеллигенции безоговорочной поддержки и восхваления своей деятельности. Именно о таких, как Шлезингер, один из руководителей школы истории бизнеса Хайди писал, что «либералам» лучше следовало «поднять голос» в защиту «хозяев американского бизнеса», чем приходило в «возбуждение» по поводу расследований Маккарти, которому пришлось действовать «в очень сложной обстановке».²⁹ Самых же критиков Шлезингера приводят в «возбуждение» не только его выступления и взгляды, но и принадлежащие его перу книги «Эпоха Джексона» и «Эпоха Рузвельта».³⁰

Первая из этих книг появилась в 1946 г. и посвящена президенту США, который провел в годы своего правления (1829—

²⁷ Saturday Rev., 1954, febr. 6, p. 8; Fortune, 1952, apr., p. 166.

²⁸ P. I. Coleman. Beard, McDonald and economic determinism in American historiography. Business Hist. Rev., 1960, № 1, pp. 113—121.

²⁹ R. Hidy. Some implications of the recent literature on the history of the petroleum industry. Business Hist. Rev., 1956, № 3, pp. 330.

³⁰ A. M. Schlesinger. 1) Age of Jackson. Boston, 1946; 2) Age of Roosevelt, vv. 1—3. Boston, 1957—1960.

1837) ряд преобразований, в результате чего в Соединенных Штатах укрепился буржуазно-демократический строй. Придя к власти при поддержке блока южных плантаторов и фермеров Запада при оппозиции банкиров и промышленников Северо-Востока, Джексон провел некоторые меры, ущемляющие интересы крупного капитала, в частности против монополии Банка США. Анализируя шаг за шагом деятельность Джексона, Шлезингер представляет его одним из основоположников «американской демократии», вызвав недовольство консервативных историков. Не случайно в уже упоминавшейся статье Сейвега, излагающей программу пересмотра истории США в интересах реабилитации крупного капитала, вопрос о «ревизионизме» взглядов Шлезингера о Джексоне стоит в числе основных.³¹

Однако несравненно большие нападки вызвала многотомная работа Шлезингера о Ф. Д. Рузвельте, посвященная восхвалению «нового курса». Хотя политика Рузвельта в целом была призвана сохранить и укрепить существующий строй, введенная им регламентация в какой-то мере задевала интересы монополий. Крупный капитал оказался перед лицом «тревожных проблем», «самой важной» из которых была, по словам одного из заправил «ревизионистского» направления Л. Хэккера, сделать так, чтобы «помешать функционерам из бюрократии нового курса осуществить полученную ими власть».³²

Тщательно документированные и выделяющиеся литературным исполнением работы Шлезингера привлекли к себе внимание, заслужив восторженные отзывы со стороны многих представителей классической школы. «Ревизионисты» же встретили их в штыки. «Обозрение по истории бизнеса» поместило отрицательные рецензии, а «Американский журнал по экономике и социологии» в статье Чалмерса заклеил Шлезингера как одного из виновников враждебного и подозрительного отношения общественного мнения к крупному капиталу. Заслуга историков бизнеса, по его словам, заключается в том, что они помогают ликвидировать эту «враждебность и подозрение».³³ Апологеты монополий открыто призывают бороться против традиции Джефферсона—Джексона—Рузвельта.³⁴ В этом они видят одну из своих важнейших задач, стремясь представить в переделанном виде весь процесс развития капитализма США.

Таким образом, в угоду определенной классовой цели апологеты монополий готовы перечеркнуть и выбросить из истории все, что не подходит для составленной ими схемы. «Ревизии»

³¹ E. N. S a v e t h. What historians teach about business?, pp. 167 etc.

³² Там же, стр. 172.

³³ D. C h a l m e r s. From robber barons to industrial statesmen. Amer. Journ. Econ. and Sociol., 1960, oct., pp. 47—48.

³⁴ Там же, стр. 48; E. N. S a v e t h. What historians teach about business?, p. 174.

подвергаются оценки событий, которые, казалось бы, не имеют отношения к предмету занятий историков монополистического капитала. Но они вызывают нападки, так как демократические традиции прошлого продолжают питать оппозицию крупному капиталу. Поэтому даже седая старина, относящаяся к периоду становления США, становится подчас предметом самых злободневных и острых споров.

Попытки исторического оправдания капиталистической системы включают в качестве неперменной части экскурсы в отдаленное прошлое. Однако справедливость требует отметить, что они занимают сравнительно небольшое место в усилиях апологетов современного капитализма. Основное внимание в их работах принадлежит истории нескольких последних десятилетий, точнее, периоду, когда появились современные корпорации — тресты — и началась эпоха империализма. Огромная «ревизионистская» литература по истории монополистического капитала в США подчинена одной главной цели: доказать, что монополии являются первоосновой исторического прогресса. Наряду с работами общего характера в этой литературе, как уже отмечалось, большое место занимают книги и статьи по истории отдельных монополий. А из последних особо выделяются многочисленные «труды» по истории первого американского треста, гигантской нефтяной монополии «Стандард ойл К^о» и всей колоссальной империи Рокфеллеров, которая, по справедливому выражению прогрессивного американского экономиста В. Перло, «представляет собой наиболее эффективно действующую монополию в капиталистическом мире». ³⁵

Не будет преувеличением сказать, что в современной американской историографии существует своеобразный культ Рокфеллеров. В значительной мере это объясняется тем, что представители именно данной династии финансового капитала в числе первых вырвались на арену активной политической деятельности. Обладая фантастической властью в мире денег и распространив влияние на многие ключевые отрасли экономики, Рокфеллеры выступили с претензиями на высшие политические должности в стране.

В 1958 г. Нельсон Рокфеллер, верховный представитель третьего поколения династии, стал губернатором второго по населению американского штата Нью-Йорк. Эта должность не раз служила трамплином в Белый дом, и Нельсон не замедлил продемонстрировать заинтересованность в кресле президента. Правда, его попытки в 1960 и 1964 гг. не увенчались успехом, и невозможно представить, сумеет ли он в конечном итоге чего-нибудь добиться. Однако бесспорно, что клан Рокфеллеров на этом не остановится, свидетельством чему могут служить недавнее избрание другого

³⁵ В. П е р л о. Империя финансовых магнатов. М., 1958, стр. 231.

из братьев — Уинтропа Рокфеллера — губернатором штата Арканзас и выдвижение одного из представителей четвертого поколения, Джона Д. IV, в законодательное собрание штата Виргиния. Особенность нынешнего исторического этапа в том и заключается, что представители могущественных монополий, когда-то довольствовавшиеся ролью «незримого правительства», теперь претендуют на непосредственное участие в управлении государством. Рокфеллеры — один из многочисленных и наиболее убедительных тому примеров.

Выход на арену активной политической деятельности, интересы предвыборной агитации, задачи «воспитания» и «перевоспитания» общественного мнения — все это само по себе способно было породить статьи в газетах и журналах, книги и биографии. Действительно, за последние годы о Нельсоне Рокфеллере написано несколько специальных книг и сотни, если не тысячи, статей в периодической печати. Однако случай с Рокфеллером выпадает из того, что происходит обычно в сфере идеологической подготовки при выдвижении той или иной фигуры на высшую государственную должность. Обо всех последних президентах США написаны книги. О некоторых из них, например о Ф. Д. Рузвельте, создана большая литература, рекордное количество статей и книг принадлежит Джону Кеннеди, имя которого после злодейского убийства в Далласе оказалось окружено ореолом великомученичества. Немалая литература существует также о Трумэне и Эйзенхауэре. Однако большинство книг о Рузвельте и всех его преемниках появилось после их избрания президентами или даже после ухода с этого поста. Нельзя предсказать, что бы произошло в случае избрания Рокфеллера в Белый дом. Но можно с полным основанием утверждать, что ни об одном из кандидатов в президенты не было такой обширной литературы при попытке добиться избрания, как о Нельсоне Рокфеллере. А еще более важно, что никогда за всю историю США предвыборная агитация не была связана в такой степени с пропагандой существующего строя и его основы, монополистического капитала и современных корпораций — трестов, как в данном случае.

Еще в 1951 г. журнал «Форчун» поместил серию статей о крупнейшей нефтяной компании Рокфеллеров «Стандард ойл К^о оф Нью-Джерси», которая была избрана им в качестве «примера, иллюстрирующего трансформацию американского капитализма».³⁶ Назвав «крупные корпорации» «одним из главных инструментов свободного мира», журнал заявил о намерении «дать оценку одного из самых крупных в мире промышленных гигантов, его отделений и филиалов». «Едва ли можно найти, — писал „Форчун“, — компанию, которая так иллюстрирует эволюцию капитализма США, как „Стандард ойл К^о оф Нью-Джерси“». Правда, автор

³⁶ Fortune, 1951, oct., nov.

статей — один из редакторов журнала Г. Берк — вынужден был признать, что основоположник династии Рокфеллеров Джон Д. I «действовал почти точно, как предсказал Маркс» и что компания допускала злоупотребления, но в настоящее время пороки изжиты и компания руководствуется «ответственностью перед обществом».³⁷

Статьи Берка носили апологетический характер, но поскольку заключали признание некоторых ошибок в прошлом, со временем оказались недостаточными. В особенности после выхода в 1953 г. нового издания биографии Джона Д. I, подготовленной Невинсом, которая, как уже указывалось, в еще большей степени, чем первоначальный вариант, идеализировала основоположника династии. В прессе была устроена шумная реклама этой книге, причем акцентировалось внимание на том, что найдены новые документы и факты.³⁸ В действительности же эффект, которого достиг Невинс, был результатом самой открытой тенденциозности и игнорирования неудобных фактов. События, не укладывавшиеся в составленную им схему, просто не учитывались и были оставлены за бортом. Например, если в первом издании 1940 г. еще что-то и было сказано о стачке 1914 г. в Колорадо, в ходе которой рабочие были подвергнуты зверскому расстрелу, то во втором издании 1953 г. этот эпизод только упоминался.

Спустя три года после опубликования нового варианта книги Невинса вышла в свет объемистая биография его сына, Джона Д. II, составленная Р. Б. Фоздиком, который был в общей сложности около 40 лет близок знаком с объектом своего описания и в его идеализации превзошел всех своих предшественников.³⁹ Выпущенная в начале 50-х годов явно рекламная работа журналиста Д. А. Морриса о представителях третьего поколения династии миллиардеров «Вот они, братья Рокфеллеры»,⁴⁰ сильно уступала в этом смысле сочинению Фоздика.

В 50-х годах «Общество по истории бизнеса» выпустило два тома по истории «Стандард ойл К° оф Нью-Джерси»,⁴¹ а также отдельные тома по истории этой компании в Индиане и Калифорнии.⁴² Все они были составлены в духе неприкрытой апологии Рокфеллеров, и хотя организаторы издания всячески подчеркивали, что использовали новый архивный материал, знакомство с ха-

³⁷ G. B u r c k. Story of the Standard Oil C° of New Jersey as a case illustrating the transformation of American capitalism. Fortune, 1951, oct., pp. 98—99.

³⁸ См.: Newsweek, 1953, may 18, p. 114.

³⁹ R. B. F o s d i c k. John D. Rockfeller. Jr. A Portait. N. Y., 1956.

⁴⁰ J. A. M o r r i s. Those Rockfeller brothers. N. Y., 1952.

⁴¹ R. H i d y and M. H i d y. Pioneering in big business. N. Y., 1955; G. S. G i b b, E. H. K n o w l t o n. Resurgent years. N. Y., 1956.

⁴² P. H. G i d d e n s. Standard Oil C° (Indiana). N. Y., 1955; G. T. W h i t e. Formative years in the Far West. N. Y., 1962.

рактором его использования может убедить лишь в самой откровенной тенденциозности.

Появление указанной литературы дало «Обозрению по истории бизнеса» повод пересмотреть «концепцию» «Форчуна». В предпоследнем выпуске за 1959 г. журнал опубликовал статью «Американский капитализм: трансформация?».⁴³ Поставленный автором статьи Р. В. Игли вопрос означал, что вывод Берка подвергнут сомнению. Он солидаризировался с издателями «Форчуна» в том, что капитализм США находится в состоянии «перманентной революции» и что нефтяной трест Рокфеллера является наилучшим примером эволюции американской системы. Формально поддерживая «Форчун», Игли, однако, подверг пересмотру положения, касавшиеся начального этапа истории «Стандард ойл К^о», и в частности злоупотреблений, к которым прибегал Джон Д. I.

Если в статье Берка содержались признания того, что в свое время трест Рокфеллера действительно являлся «символом зла», то из публикации Игли такого рода формулировки были исключены. Вслед за Невинсом «Обозрение по истории бизнеса» хвалило личные качества Джона Д. I, его «пуританизм, спокойствие и трезвость», а также утверждало, что вся его деятельность была продиктована сознанием «ответственности перед обществом».⁴⁴ Что же касается преемников Джона Д. I, то их действия характеризовались не иначе, как «просвещенная промышленная политика», «народный капитализм» и т. п. Вслед за «Форчуном» «Обозрение по истории бизнеса» утверждало, что изменился характер собственности, а вместе с тем и цели, преследуемые трестом Рокфеллеров. Исходя из того, что резко возросло количество акционеров «Стандард ойл К^о» (до 200 тысяч), а размеры отдельных пакетов акций пропорционально сократились, «Форчун» выдвинул тезис о постепенной «демократизации капитала» и утрате прежними собственниками компании, Рокфеллерами, контроля над ней. Этот тезис был с энтузиазмом подхвачен «Обозрением по истории бизнеса». А для дальнейшего обоснования журнал прибег даже к фальсифицированным заимствованиям из марксизма.

Буржуазная наука, учитывая популярность марксизма, стала широко применять этот прием. Достаточно напомнить известную теорию «единого индустриального общества» У. Ростоу, изложенную в его книге «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест». С одной стороны, автор книги подчеркивает свою враждебность марксизму, а с другой, путем эквилибристики с цитатами из Маркса, — пытается подкрепить попытки апологии капитализма.⁴⁵ Так же поступает и «Обозрение по истории

⁴³ R. V. E a g l y. American capitalism: a transformation? Business Hist. Rev., 1959, № 4, pp. 549—568.

⁴⁴ Там же, стр. 553 сл.

⁴⁵ W. W. R o s t o w. Stages of economic growth. Non-communist manifesto. Cambridge, 1960. В советской литературе критика теории Ростоу дана

бизнеса». Тенденциозным цитированием Маркса оно стремится подтвердить один из самых распространенных тезисов буржуазной пропаганды об «изменяющемся характере руководителя бизнеса». Правда, автор статьи выразил сожаление в том, что Маркс «упустил из вида» вопрос о постепенной «демократизации» капитала, но эту «лакуну», как он с удовлетворением отмечает, «восполнил» «Форчун».⁴⁶

Если же рассмотреть вопрос о «демократизации» капитала по существу, то окажется, что все построение «Форчуна», а заодно и «Обозрения по истории бизнеса» не выдерживает критики. В-первых, «демократизация» капитала вовсе не означает, как утверждают пропагандисты, «народного капитализма», что «через владение акциями народ осуществляет собственность на средства производства». По подсчетам прогрессивного американского экономиста В. Перло, в масштабах всей страны общая стоимость такого рода акций, находившихся в руках полумиллиона рабочих семей, составляла в 1955 г. всего 0.2% общей стоимости акций (при постоянной тенденции к снижению).⁴⁷ Никакого реального участия в управлении делами предприятий акционеры-рабочие принимать не могут, а получаемый ими дивиденд настолько ничтожен, что в среднем составляет примерно двухдневный заработок рабочего. Командует же делами корпораций, в том числе и рокфеллеровской «Стандард ойл», небольшая группа крупных акционеров и связанных с ними банков, которым достается львиная доля всей прибыли. Рокфеллеры владеют от 3 до 17% всех акций «Стандард ойл», а по подсчетам специалистов в нынешних условиях для контроля над корпорацией оказывается достаточным от 3 до 10% акций, поскольку действует целая сложная система, позволяющая крупным акционерам держать предприятие в своих руках.⁴⁸ По данным известного прогрессивного экономиста Г. О'Коннора, Рокфеллеры и связанные с ними семейства в общей сложности контролируют около 50% акций «Стандард ойл».⁴⁹

В американской буржуазной литературе много пишут о «революции управляющих». Тот факт, что во главе большинства корпораций ныне стали наемные администраторы, также интерпретируется как одна из «революционных» перемен в капиталистической системе, как доказательство ее рационализации и обновления. В действительности же речь идет о закономерной для капиталистического общества передаче чисто управленческих функций группе наемных служащих, действующих в полном соответствии с предсказанным еще Марксом и Лениным неизбежным отделе-

в работе: Е. Б. Черняк. Историография против истории. М., 1962, стр. 187 сл.

⁴⁶ R. V. E a g l y. American capitalism, p. 550.

⁴⁷ В. П е р л о. Империя финансовых магнатов, стр. 30

⁴⁸ Там же, стр. 50 сл.

⁴⁹ Г. О' К о н н о р. Империя нефти. М., 1958, стр. 50.

нием капитала-функции от капитала-собственности. Однако и в этих условиях капиталист-собственник сохраняет за собой власть и контроль над собственностью, управление которой он передает наемным и действующим в соответствии с его волей администраторам. Именно в этом и заключается смысл «революции управляющих», значение которой не раз рассматривалось в прогрессивной американской и советской литературе.⁵⁰

Кроме того, американские журналы исказили истину и с чисто формальной точки зрения. Вопрос о «демократизации» капитала и его значении рассмотрен в произведениях классиков марксизма. Этой проблемы касались еще К. Маркс и Ф. Энгельс. А В. И. Ленин применительно к периоду империализма показал, что «крупный капитал, присоединяя к себе по мелочам небольшие капиталы разбросанных по всем концам мира акционеров, стал еще могущественнее». Ленин подчеркивал, что тысячи людей приобретают акции предприятий и благодаря этому «миллионер распоряжается теперь не только своими миллионами, но и добавочным капиталом».⁵¹ Таким образом, утверждения «Форчуна», «Обозрения по истории бизнеса» и им подобных построены на искажении фактов и являются плохо замаскированной фальсификацией.

Вместе с тем следует решительно подчеркнуть, что фальсифицированные «заимствования» из марксизма используются одновременно с критикой марксистской теории, против которой и направлена вся деятельность апологетов монополистического капитализма. Особенно сильным нападкам подвергается марксистское положение о том, что институт частной собственности будет изменен не иначе, как путем революции, и что капиталистическая частная собственность будет заменена социалистической собственностью.⁵² Именно стремлением доказать, что Соединенные Штаты исключаются из этого правила, можно объяснить частое употребление слов «революция» и «революционный» в работах о современном капитализме США. Кроме того, апологеты монополий стремятся доказать, что американская система развивается гармонически, что она преодолела противоречия и достигла классового мира. Подобным вопросам посвящены в значительной мере и указанные статьи о нефтяном тресте Рокфеллеров, и написанная по заказу «Стандард ойл» известным американским экономистом С. Чейзом специальная брошюра, и целый ряд других публикаций. Авторы книг и статей приводят данные о зарплате рабочих в нефтяной промышленности, самой высокой по сравнению с другими отраслями. Они подчеркивают, что за четыре по-

⁵⁰ В. Перло. Империя финансовых магнатов; Р. Миллс. Властвующая элита. М., 1959; Д. Гвиниани. Социология бизнеса. Критический очерк американской теории менеджмента. М., 1962; С. М. Мейшиков. Миллионеры и менеджеры. М., 1965.

⁵¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 185.

⁵² R. V. E a g l y. American capitalism, p. 551.

следних десятилетия на предприятиях «Стандард ойл» не было ни одной забастовки, похвально отзываясь о характере взаимоотношений между компанией и профсоюзами.⁵³

Однако все эти утверждения нуждаются в серьезных поправках. Верно, что зарплата на предприятиях «Стандард ойл» выше, чем в других отраслях промышленности. Но не менее верно и то, что нефтяные компании имеют дополнительные источники доходов, которые позволяют держать зарплату рабочих-нефтяников на более высоком уровне. Во-первых, на них распространяются льготы по подоходному налогу, так называемая скидка на истощение недр, достигающая 27.5% от общей суммы обложения. Во-вторых, они извлекают колоссальные прибыли от эксплуатации предприятий за границей, рабочие которых получают зарплату в несколько раз ниже, чем американцы. Все это дает возможность создать рабочим в нефтяной промышленности несколько лучшее положение, чем в других отраслях и является в сущности не чем иным, как одной из форм подкупа, к которому капиталисты прибегают с целью разобщения рабочего класса.

В сравнительно высоком уровне зарплаты также причина того, что за последние несколько лет на предприятиях «Стандард ойл» не было забастовок. Однако до классового мира и здесь далеко. Отсутствие серьезных проявлений недовольства объясняется в значительной мере рамками, в которые поставлено рабочее движение. Известно, что на предприятиях Рокфеллеров в числе последних были разрешены профсоюзы, да и разрешены они были условно, так как не должны были быть связаны с профсоюзными объединениями. Такое положение сохранилось по сей день: из 37 тысяч рабочих «Стандард ойл Ко оф Нью-Джерси», входящих в профсоюзы, только 1 тысяча имеет отношение к АФТ-КПП. Остальные 36 тысяч рабочих входят в состав «независимых» профсоюзов, послушно выполняющих волю предпринимателей.

Впрочем, в самое последнее время, даже по свидетельству «Форчун», обстановка несколько изменилась. В начале 50-х годов правление «Стандард ойл» вынуждено было согласиться на посторонний арбитраж в случае трудовых споров, разбирательство которых до этого производилось только самой компанией. В ответ руководители профсоюза рабочих нефтеперегонных заводов обязались в течение некоторого времени не устраивать забастовок. Сами руководители компании вынуждены признать, что «по мере того как старые и более лояльные рабочие уходят в отставку, их заменяют более молодые, которые впитывают в себя „национальную атмосферу“ и не имеют тех же теплых чувств к компании».⁵⁴ Несмотря на всю ограниченность, это признание свидетельствует о том, что даже на предприятиях, где рабочие

⁵³ S. C h a s e. Generation of industrial peace. N. Y., 1956.

⁵⁴ Fortune, 1951, oct., p. 107.

практически лишены возможности участвовать в забастовках, положение обстоит далеко не так благополучно, как хотят изобразить апологеты капитализма.

Чтобы доказать прочность и стабильный характер капиталистической системы США, буржуазная литература изобрела «теорию уравнивающих сил», в наиболее полном виде изложенную в книге Д. Голбрейса «Американский капитализм».⁵⁵ Элементарное содержание этой теории заключается в схеме «большой бизнес»—«большой труд» (профсоюзы)—«большое правительство» (big business—big labor—big government). «Бизнес» и «труд» представляют собой, по мысли авторов теории, взаимобуравновешивающие силы, которые в случае нарушения равновесия координируются «правительством».

«Теория уравнивающих сил» является идеалистической концепцией, призванной оправдать классовое господство крупного капитала. Ее авторы пытаются доказать, что в настоящее время стимул капиталистического производства изменился и заключается не в получении прибыли, представляющей якобы «второстепенный интерес», а в желании создать максимум услуг.⁵⁶ Оказывается, монополии стремятся к снижению цен на потребительские товары, а рабочее движение препятствует этому, и поэтому происходит удорожание жизни. Отсюда вполне естественный вывод: правительству необходимо поддерживать монополии против рабочего движения. В принципе в этом нет ничего нового, так как известно, что еще в конце прошлого века принятый под давлением масс антитрестовский закон Шермана на деле сплошь и рядом применялся не против трестов, а против рабочих забастовок на том основании, что забастовки якобы создавали угрозу нормальному ходу торговли между штатами. Что же касается политики правительства в отношении трестов, то сторонники «теории уравнивающих сил» заявляют, что «нет необходимости» опасаться усиления монополий, и предостерегают, что «правительственное вмешательство» способно уменьшить «эффективность» экономической системы.⁵⁷ Констатируя прогрессирующую концентрацию капитала, они выступают против ущемления власти монополий. «Полагать, что имеются основания для антитрестовского преследования в том случае, когда на рынке господствуют 3, 4 или полдюжины фирм, значит считать, что вся система американского капитализма противозаконна»,⁵⁸ — так пишет Голбрейс, аргументация которого является типичным образцом презентистского, прагматического подхода.

Таким образом, правительство, которому в схеме «уравнивающих сил» отводится роль арбитра между бизнесом и тру-

⁵⁵ J. K. Galbraith. American capitalism.

⁵⁶ Там же, стр. 25.

⁵⁷ Там же, стр. 28.

⁵⁸ Там же, стр. 55.

дом, призвано, по замыслу авторов указанной теории, всемерно поддерживать крупный капитал. Именно такова и практика нынешних США. Отсюда не следует, что в отдельных случаях вмешательство правительства не может нарушать интересы тех или иных монополистов или групп монополистического капитала. Более того, подобного рода явления закономерны и стали регулярными для современного этапа развития государственно-монополистического капитализма. Однако и на ранних стадиях, и теперь правительственное вмешательство в конечном итоге осуществлялось и осуществляется в интересах класса капиталистов.

Именно в условиях государственно-монополистического капитализма вмешательство государства и его совместные действия с монополиями приобрели широкий размах и стали характерной особенностью. Усиление правительственного вмешательства неразрывно связано с дальнейшим сращиванием монополий и государственного аппарата, процессом формирования так называемой «властвующей элиты», которая, по словам прогрессивного американского социолога Р. Миллса, узурпировала руководство экономической, политической и военной жизнью страны.⁵⁹ Никогда за всю историю США в состав правительства не входило такого количества представителей большого бизнеса, как теперь. О развитии этой тенденции говорит и стремление Рокфеллеров приобщиться к активной политической деятельности, и заполнение ответственных министерских постов служащими крупнейших корпораций. Одна из наиболее важных особенностей современного капитализма заключается в том, что его эволюция происходит в условиях «холодной войны» и милитаризации внутренней жизни, способствующих росту явлений государственно-монополистического характера. В политической сфере это ведет к тоталитаризму, ликвидации «мыслящего гражданина» и дальнейшему идеологическому подавлению массы американцев, которые превращаются, по выражению Миллса, в «инертное общество».⁶⁰

Процесс этот стал органически присущ современному капитализму США, а его обсуждение — одна из центральных тем американской буржуазной науки. Апологетическая литература выдвинула различного рода объяснения, заявляя, что Америка практически достигла «бесклассового общества», что интересы внешней политики США требуют «единства нации» и т. д. Подобные рассуждения получили широкое распространение и стали стандартными для идеологов империализма США. Однако они вызывают критику со стороны либерально-буржуазных кругов, представители которых заявляют, что «единство нации» — не что иное, как стремление избавиться от инакомыслящих и подавить

⁵⁹ Р. Миллс. Властвующая элита, стр. 27—31.

⁶⁰ Там же, гл. XIII; W. Mills. Causes of the world war III. N. Y., 1958, p. 25.

интеллектуальную свободу. Наряду с Миллсом к этому направлению относятся социолог Л. Гурко, автор книги «Кризис американского духа», известный историк Р. Хофстэдер, выпустивший за последние два года две книги — «Антиинтеллектуализм в американской жизни» и «Параноидный стиль в американской политике», У. Ледерер, автор книги «Нация баранов», и др.⁶¹

Подобные работы начали появляться со второй половины 50-х годов как реакция на маккартизм, который подвел Соединенные Штаты вплотную к фашистским порядкам. Гл. I книги Л. Гурко так и называется — «Кошмар маккартизма». С того же начинается свое изложение Р. Хофстэдер. Однако значение указанных работ заключается не в описании ужасов маккартистского произвола, а в попытке осмыслить причины традиционно враждебного отношения к «мыслящему гражданину» — интеллигенту, выявить исторические корни этого явления, а также обрисовать методы формирования общественного мнения и пути развития культуры США.

«Под каким бы углом зрения мы ни стали рассматривать дело, — пишет Миллс, — мы почти во всех случаях различим, что мы прошли уже значительное расстояние по пути к политически инертному обществу. Этот путь ведет к тоталитарному государству».⁶² Американское общество отдано произволу всепоглощающей пропагандистской машины, управление которой осуществляется могущественными центрами. «Система общенациональной рекламы», пресса, радио и телевидение заняты «бизнесом по формированию общественного мнения». «В дополнение к расширившимся и централизованным средствам государственной власти, эксплуатации и насилия, — говорит Миллс, — современная элита овладела небывалыми еще в истории орудиями управления умами и их обработки, включая систему всеобщего образования и массовые средства общения».⁶³

Американский социолог отмечает, что попытки монополистического контроля в сфере идеологии возникают по мере перехода от мелкого производства к крупному. Доказательства этого положения могут быть найдены и в работе Хофстэдера «Антиинтеллектуализм в американской жизни». В отличие от Миллса автор старается избегать социологических обобщений и следует методу конкретно-исторического анализа на материале истории США с колониальных времен до сегодняшних дней. Вскрывая исторические предпосылки «антиинтеллектуализма», он приводит материалы, свидетельствующие о подчинении интеллигенции интересам монополистического капитализма США. Хофстэдер во мно-

⁶¹ Л. Г у р к о. Кризис американского духа. М., 1958; R. H o f s t a d e r. 1) Anti-intellectualism in american life. N. Y., 1964; 2) Paranoid style in american policy. N. Y., 1965; W. L e d e r e r. Nation of sheep. N. Y., 1962.

⁶² Р. М и л л с. Властвующая элита, стр. 416.

⁶³ Там же, стр. 417—418.

гом непоследователен и проявляет осторожность в выводах, но и то, что он вынужден сказать, подтверждает положение, что современный капитализм ведет к подавлению свободы личности и насаждению тоталитарных порядков.

Специальная глава книги Хофстэдера называется «Бизнес и интеллект». Несмотря на половинчатость суждений и уклончивый характер формулировок, автор заявляет, что вынужден «поставить» крупный капитал — «бизнес» — в «авангард анти-интеллектуализма».⁶⁴ Соглашаясь с этим выводом, нельзя, однако, не выразить удивления по поводу аргументации автора, которую он черпает не из реальной американской жизни, изобилующей подобного рода примерами, а из произведений художественной литературы.

Как бы интересны ни были подобные произведения, убедительность выводов автора страдает от таких приемов. Выгодно отличаются от работы Хофстэдера уже названная книга Л. Гурко и выпущенная еще в 30-х годах в США книга историка и социолога Д. Дэвиса «Капитализм и его культура».⁶⁵ Достоинство этих работ в привлечении обширного фактического материала, убедительно раскрывающего состояние культуры США и «кризис американского духа». Оба автора подробно останавливаются на роли крупного капитала в фабрикации идей и представлений, в формировании стандартной личности, готовой отказаться от критики во имя «интересов нации». Однако и указанные работы далеко не во всем последовательны и не претендуют на исчерпывающее освещение вопроса.

Один из наиболее существенных недостатков всех перечисленных книг (за исключением книги Р. Миллса) — отсутствие анализа деятельности благотворительных фондов, созданных крупнейшими корпорациями Рокфеллера, Карнеги, Форда и др. Располагая миллиардными средствами, они приобрели колоссальное влияние на систему образования, высшие учебные заведения и научные центры, религиозные организации, литературу, кино и другие средства массового общения. Деятельность благотворительных фондов нуждается в специальном анализе не только потому, что они являются мощным рычагом управления общественным мнением и формирования идей, но также вследствие того, что они представляют весьма характерную для нынешнего этапа развития капитализма форму идеологического воздействия. Кроме того, именно филантропическая деятельность магнатов капитала стала одним из главных аргументов в попытках их оправдания.

Историки монополистического капитала заявляют, что «благотворительность» — такое свойство руководителей американ-

⁶⁴ R. Hofstadter. Anti-intellectualism in American life, p. 237.

⁶⁵ Д. Дэвис. Капитализм и его культура. М., 1949.

ского бизнеса, которое следует рассматривать в неразрывной связи с их промышленной и финансовой деятельностью. Не случайно в заглавии второго издания написанной Невинсом биографии Джона Д. Рокфеллера I значится «Промышленник и филантроп». Благотворительности посвящена в значительной степени и биография Джона Д. II, принадлежащая перу Р. Б. Фоздика, а также специально написанная им книга о фонде Рокфеллера,⁶⁰ директором которого он являлся в течение ряда лет. Кроме того, в 1956 г. выпущена работа Ф. Эндрюза обо всех благотворительных организациях. Особенно же следует отметить изданную в 1964 г. книгу Р. Шаплена в связи с 50-летием «Рокфеллеровского фонда».⁶⁷ Богато оформленная и выполненная в духе рекламных изданий, она превосходит все, что было написано до сих пор своей откровенно пропагандистской направленностью.

30 лет назад в США существовало около 250 благотворительных фондов, а в настоящее время их несколько тысяч. Но главную, ведущую роль по-прежнему играют фонды крупнейших корпораций, значительно усилившиеся в финансовом отношении и расширившие свою деятельность. Апологеты монополий превозносят благотворительность магнатов капитала, но умалчивают о том, что передача денег фондам является вот уже в течение многих лет одной из самых распространенных форм сокрытия доходов, так как по закону филантропические пожертвования не облагаются налогом. Еще 30 лет назад американский публицист Ф. Ландберг писал, что филантропия в сущности есть «капиталовложение некоммерческого характера».⁶⁸ А по меткому выражению Р. Миллса, «благотворительные фонды», став «удобным способом уклонения от налогов», превратились для «жертвователей» в своего рода «частные банки».⁶⁹ Значение же подобного рода вкладов-пожертвований станет особенно ясно, если учесть, что крупные корпорации сохраняют контроль над благотворительными фондами, управляя их финансовой деятельностью. Кроме того, большинство вкладов состоит из пакетов акций,⁷⁰ вследствие чего позиция жертвователя в той или иной корпорации практически остается неизменной. Такова экономическая подоплека «филантропии» магнатов американского бизнеса.

Не менее важной стороной «благотворительности» является и практическая деятельность фондов. Если в сегодняшней Америке существует «система общенациональной рекламы», пронизывающая буквально все области интеллектуальной жизни, то в этом немалый вклад «благотворительных фондов», под растущим воздей-

⁶⁰ R. B. Fosdick. History of the Rockefeller foundation. N. Y., 1952.

⁶⁷ R. Shaplen. Toward the well-being of mankind. Fifty years of the Rockefeller foundation. N. Y., 1964.

⁶⁸ Ф. Ландберг. 60 семейств Америки. М., 1948, стр. 381.

⁶⁹ Р. Миллс. Властвующая элита, стр. 242.

⁷⁰ F. E. Andrews. Philanthropic foundations. N. Y., 1956, p. 110.

ствием которых находятся и образование, и наука, и культура, и религиозные учреждения. Никогда за всю предшествующую историю капитализм не прибегал к такой «осознанной» деятельности с целью оправдать существующий строй, как в последние годы, в условиях растущего могущества социалистической системы и развивающегося национально-освободительного движения в колониях. Крупным корпорациям и контролируемым ими фондам принадлежит в этой сфере ведущая роль. Для решения поставленных ими «проблем» ассигнуются средства и привлекаются «специалисты».

Несколько лет назад, выступая перед собранием историков в Гарвардском университете, представитель Дюпона изложил целую программу, выполнения которой крупный капитал ожидает от представителей общественных наук. Он заявил, что представляемая им корпорация извлекала большую пользу из работ ученых, физиков и химиков, а теперь нужно наладить «более тесные связи и лучшие отношения» с экономистами, социологами, историками и даже лингвистами. Он призывал представителей общественных наук активно защищать капиталистический строй от «радикалов» и «коммунистов». «Мы не претендуем на особую эрудицию, — говорил он, — однако наше знакомство с историей сделало для нас абсолютно ясным, что все крупные революционные движения рождались в умах мыслителей». И хотя представитель Дюпона далек от истинного понимания исторического процесса, ему нельзя отказать в классовом чутье, когда он заявляет, что революционные идеи чреваты опасностью революционных потрясений. А «для положения вещей в Америке» это, по его словам, — «не тривиальная проблема». Нужно торопиться, чтобы противопоставить свои усилия критикам монополий и ликвидировать антимонополистические настроения в народе. Нельзя терять время, ибо «если человек умирает от рака, — пояснил свою мысль оратор, — вряд ли будет иметь значение, если его вылечат от гриппа».⁷¹

Реализации этих замыслов в значительной мере посвящена деятельность «благотворительных» организаций. Одна из самых крупных и влиятельных из них — «Фонд Рокфеллера». Ему принадлежит ведущая роль в самых разнообразных сферах. Первым солидным пожертвованием Рокфеллеров был взнос в пользу церкви размером в 600 тысяч долларов, как отмечает В. Перло, «задолго до наступления эры специалистов по обработке общественного мнения».⁷² С тех пор благотворительная деятельность выросла в целую систему, руководят которой признанные «гении рекламы». Общеизвестно, что на деньги фондов ведется значительная работа в области медицины, физики, химии

⁷¹ G. P e r r y. Communication between the academican and the businessman. Business Hist. Rev., 1962, № 2, pp. 87—97.

⁷² В. П е р л о. Империя финансовых магнатов, стр. 241.

и других наук. Субсидиями фондов пользовались многие крупные ученые, которым принадлежат важные открытия. Но нельзя согласиться с Невинсом, Фоздиком и Шапленом, что пожертвования на науку продиктованы идеалистическим мотивом чело-веколюбия.

Во-первых, направление научных исследований в организациях фондов всегда подчинено тем или иным интересам корпорации и ее руководителей. Ландберг, Перло и другие приводят данные, свидетельствующие, что деятельность рокфеллеровского «Института медицинских исследований», например, в значительной степени была продиктована интересами семьи Рокфеллеров. Что же касается исследовательской работы этого института в зарубежных странах, то она, как правило, распространялась на области наиболее интенсивных действий рокфеллеровских компаний, прежде всего «Стандард ойл». На средства «Фонда Рокфеллера» производились обширные исследования по атомной энергии, и чистейшим лицемерием является заявление Шаплена о том, что фонд глубоко сожалел об изобретении атомной бомбы.⁷³ Известно, что исследования, субсидируемые фондом, связаны с военным производством, а в числе ближайших и наиболее доверенных советников семейства Рокфеллеров находится один из самых ярких приверженцев гонки ядерных вооружений Э. Теллер.

Во-вторых, говоря о мотивах субсидий на науку, нельзя не отметить, что сам по себе факт пожертвований на научные исследования нужен корпорациям в пропагандистских целях. Это — реклама для крупного капитала, и специально нанятые люди заняты тем, что активно и регулярно прославляют «просветительскую» роль американского бизнеса.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что немалая доля средств, ассигнуемых благотворительными фондами, идет на идеологию, на работы, прямо или косвенно связанные с обработкой общественного мнения, пропаганду за рубежом, борьбу против коммунистических идей и защиту капиталистических порядков. Достаточно сказать, что фонды Рокфеллера и Форда выделяют миллионные средства на финансирование исследовательских центров по изучению СССР, которые поставляют основные кадры специалистов по «русскому вопросу» для госдепартамента, разведки и других учреждений США.

Широкая сеть просветительных и культурных организаций основана фондами в США и за их пределами. Так, например, после второй мировой войны «Фондом Рокфеллера» были созданы многочисленные организации в странах Латинской Америки, Азии и Африки. Что же касается самих Соединенных Штатов, то там существуют сотни подобного рода организаций, в том числе такие влиятельные во внешней политике, как Совет по вопросам

⁷³ R. Shaplen. *Toward the well-being of mankind*, p. 79.

международных отношений, Ассоциация внешней политики и др. И здесь решающая роль принадлежит Рокфеллерам. Наряду с «Фондом Рокфеллера», созданным еще Джоном Д. I совместно с сыном, в настоящее время организовав дополнительно «Фонд братьев Рокфеллеров», главной задачей которого являются политическая пропаганда и вопросы внешней политики.

Одна из целей этой организации — составление программы «Будущее Америки» на ближайшие 10—15 лет. Для работы над этим документом было привлечено около 100 человек, профессора университетов, известные издатели, видные дипломаты и военные, конгрессмены и руководители корпораций. Во главе был поставлен специальный комитет, руководимый сначала Нельсоном, а затем Лоуренсом Рокфеллерами.⁷⁴ За четыре года работы, с 1956 по 1960 г., исследовательская группа подготовила документ, который по праву можно было бы назвать программой современного капитализма США. Популяризация его идей и положений занимает важное место в американской пропаганде.

Подобные примеры являются свидетельством невиданного размаха агитационной, пропагандистской деятельности, направленной на оправдание и защиту капиталистических порядков. В этом заключается одна из особенностей нынешнего этапа развития капитализма США, при котором власти гигантских монополий соответствует «система общенациональной рекламы» в самом широком смысле слова, включая рекламу современного капиталистического строя Соединенных Штатов.

В одной из последних книг Р. Миллс отмечал, что особенность развития Америки в последние 20 лет заключается в том, что «в центре внимания общественности стоят уже не внутренние проблемы, в основном связанные с борьбой против опасности надвигающегося кризиса, а международные проблемы, связанные в основном с подготовкой к войне».⁷⁵ «Военный» фактор стал одним из главных в современной Америке. В экономической сфере он помогает временно избегать кризисных явлений, поддерживая бум в военной промышленности, которая стала играть решающую роль в системе национальной экономики. В политике этот фактор привел к возвышению военной касты, высшие представители которой представляют ныне влиятельную и многочисленную часть американской «властвующей элиты». Военный фактор способствует и концентрации власти, в результате чего правящая верхушка все более объединяется в одну монолитную группу, а ее власть, как пишет Миллс, не имеет себе равной в мировой истории.

В достижении этой цели важную роль играет пропаганда во всех ее формах и проявлениях. Доминирующую роль и в ней

⁷⁴ См.: Prospect for America. N. Y., 1961.

⁷⁵ W. Mills. Causes of the world war III, p. 27.

приобретает военный фактор. «Коммунистическая угроза», «вызов Советов», «единство нации», «интересы безопасности» — такие словосочетания и лозунги являются неперенным атрибутом большинства выступлений идеологов нынешнего капитализма США. Военный фактор служит предлогом для гонений на прогрессивных деятелей и ликвидации демократических свобод. Он парализует интеллект, сковывает «мыслящего гражданина». Вот почему совершенно обоснованно Миллс кончает свою книгу призывом к интеллигенции не поддаваться дурману пропаганды. «Когда у интеллигентов есть возможность говорить,— пишет он,— но они все же молчат, тем самым они присоединяются к силам, которые стараются лишить людей способности думать и заглядывать вперед, смотреть на вещи с нравственных и политически правильных позиций».⁷⁶ Эти слова имеют и более широкое значение. Они направлены против апологетов современного капитализма, которые стремятся представить Соединенные Штаты Америки как образцовое общество и идеальный политический строй.

⁷⁶ Там же, стр. 117.